

Содержание

<i>А. Гринбаум. Предисловие</i>	7
Введение. Форма священного	16
<i>От Архимеда к Мюнхгаузену</i>	17
<i>Анатомия всеобщей паники</i>	23
<i>Сатана изгоняет Сатану</i>	31
Глава 1. Размышления на пороге апокалипсиса.	
Путевой лист	39
<i>Перед лицом катастрофы</i>	39
<i>Апокалипсис сегодня</i>	50
<i>Порча лучшего рождает худшее: Иллич и Жифар</i>	54
<i>Воспитание пророка бедствий</i>	65
Глава 2. Наука как теология, себя не ведающая	76
<i>Мнимый нейтралитет науки</i>	76
<i>Теолого-научная проблема</i>	79
<i>Зачем нам будущее</i>	84
<i>Что будет, когда технологии конвергируют</i>	87
<i>За пределами проблематики рисков</i>	90
<i>Матрица, наука и трансгуманисты</i>	107
<i>Ответственность науки</i>	114
Глава 3. Религия: естественное или сверхъестественное?	120
<i>Мы уже внутри</i>	121
<i>Религиозное как общественное бурление</i>	126
<i>Жертва и убийство</i>	132
<i>Жертвенное мышление и стирание категорий</i>	137
<i>Религия и мораль</i>	142
<i>Козлы отпущения и ритуальные жертвы</i>	151
<i>Лжеспасение моралью</i>	154

Глава 4. Лотерея в Вавилоне. Голосование — рациональная процедура или ритуал?	160
<i>О случайном как решении теолого-политической проблемы</i>	160
<i>Уму непостижимый смысл голосования</i>	167
<i>Лотерея в Америке</i>	176
<i>О пользе сближения антропологии и политической философии</i>	184
Глава 5. Справедливость и ресентимент	191
<i>Справедливость не сводится к логике</i>	194
<i>Унижение и социальное неравенство</i>	198
<i>О пользе антропологического и политического подхода к вопросу неравенства</i>	208
Глава 6. Ядерная угроза — наше новое священное. От бен Ладена до Хиросимы	220
<i>Бен Ладен и Хиросима</i>	220
<i>Гюнтер Андерс, теоретик атомной эры</i>	224
<i>Бессилие сдерживания</i>	231
<i>Конец ненависти и ресентимента</i>	241
Глава 7. «Когда я умру, от нашей любви не останется даже прошлого». Вариации на тему «Вертиго»	243
<i>Автореференция</i>	245
<i>О способе существования Мэделин</i>	247
<i>Катастрофа и время</i>	251
<i>Объект желания</i>	254
<i>Чувство прошлого</i>	260
<i>Парадокс Алкмены. Любовь сильнее миметического желания</i>	263

Предисловие

Двадцатого августа 2020 года был отравлен российский политик Алексей Навальный. Политик выжил. Немецкая газета *Zeit* так писала об этом в номере от 9 сентября: «То, что он все еще жив, связано с цепочкой счастливых обстоятельств» («einer Verkettung glücklicher Umstände»)¹. В передаче российского телеканала RTVi фраза из газеты прозвучала с изменением одного слова: Навальный спасся «благодаря цепочке счастливых *случайностей* — пилот оперативно посадил лайнер, а на взлетной полосе дежурила „скорая“»². Четырнадцатого сентября эту цитату на том же телеканале прокомментировал министр иностранных дел России Сергей Лавров: «...вот это абсолютно безупречное поведение и пилота, и врачей, и „скорой помощи“ подается как счастливое случайное стечение обстоятельств. То есть нам даже отказывают в том, что мы люди, понимаете?»

Неожиданный риторический вопрос, заданный министром, кажется вполне логичным в контексте неточного перевода телеканалом высказывания немецкой газеты. Однако зритель немедленно ощущает скачок смысла, необъяснимую смену уровня, будто цепочка рассуждений вдруг приводит его в иную реальность. Будто нож гильотины, доведя разрез до основания шеи и насладившись свободным полетом, неожиданно врубается в деревянное основание и останавливается. Что значит эта мысль министра, как можно ее объяснить?

1. <https://www.zeit.de/2020/38/deutsch-russische-beziehung-alexey-navalny-nord-stream-2/komplettansicht>
2. <https://rtvi.com/news/lavrov-prokommentiroval-versii-o-schastlivom-spasenii-navalnogo/>

За незначительной, казалось бы, фразой скрывается один из фундаментальных механизмов человеческих отношений. Возможно, самый главный. Лежащий в основе любого общества. Дело здесь не в конкретном министре, а в том, как проявляются глубинные силы, управляющие общественным устройством. Сиюминутные обстоятельства — лишь капля в реке времени, одно из множества возможных событий, и не так важно, реально ли это событие или существует только в голове говорящего. Как его толковать, как понять его значение помимо хроники происшествий? Выясняется, что общественные отношения подвижны не столько объективной истиной факта, сколько силой зависти. В риторическом вопросе министра хорошо слышен ресентимент. Любой предмет подспудно — а иногда открыто, иногда даже помимо воли говорящего — превращается в масло, подливаемое в огонь зависти. Достаточно самого малого повода, чтобы взвилось ее всепожирающее пламя.

Ресентимент — движущая сила не природных, а созданных человеком катастроф. Метафизика, эпистемология и этика катастроф — ведущая тема французского философа Жана-Пьера Дюпюи. Он посвятил ее изучению не одну книгу и — вслед за незаслуженно малоизвестным Гюнтером Андерсом — показал, как стирается разница между антропогенными и природными катаклизмами, как из пустяка, из сущей ерунды является, не ведая стыда, апокалипсис. Сейчас Дюпюи — профессор Стэнфордского университета и член французской Академии технологий. В Париже он был профессором Политехнической школы, в которой в 1984 году основал Центр исследований по прикладной эпистемологии — институт, изменивший течение французской мысли. Дюпюи был первым во многом: он издал французский перевод «Теории справедливости» Ролза, привел на шум парижских пиров и буйных споров аналитическую философскую традицию, опубликовал

учебник, в котором Мишель Фуко и Жак Деррида соседствуют с Джоном фон Нейманом и Хайнцем фон Фёрстером.

Катастрофы, апокалипсис — лишь одно из проявлений священного и лишь один из сюжетов этой книги. «Знак священного» — итог многолетних штудий автора в самых разных областях, в каком-то смысле — итог всей его жизни. Как и любой подытоживающий труд, книга эта невольно превращается в учебник. Дюпюи, окидывая взором самые разные научные дисциплины и сферы жизни, показывает, как за обыденными фактами — теми, о которых мы постоянно читаем в интернете, газетах, социальных сетях, слышим на телевидении — можно увидеть нечто большее, нечто отсылающее ко всей истории человечества, а не одну только сиюминутную конъюнктуру. Текущая повестка сменится через год-другой. События, казавшиеся такими важными, будут сметены волной новых происшествий. Однако все они оказываются проявлениями фундаментальных мотивов, повторяющихся антропологических паттернов — их читатель постепенно, глава за главой, и учится распознавать.

За двенадцать лет до отравления Алексея Навального эта книга дает ключ к трактовке неочевидной, скрытой связи между метафизикой времени катастроф и ролью ressentimentа в общественных отношениях: «Когда лихорадочное соревнование захватывает всю планету и когда некоторые в нем постоянно проигрывают, зло ressentimentа — называемое также гордыней, уязвленным самолюбием, завистью, ревностью, страстью ненависти — неизбежно ведет к хаосу. Как мотылек, бьющийся о лампу, или два „Боинга“, врезающиеся в две „башни силы“, человек, прельщенный тем, кого он невольно считает лучше себя, натывается самым жалким и трагическим образом на каждое встречаемое на пути препятствие — потому что *оно занимает его больше, чем предмет*».

Примеры, рассматриваемые в этой книге, относятся к самым разным сферам человеческой деятельности, а вовсе не к одной только политике. Дюпюи пишет о нанотехнологиях и идеологии трансгуманизма, роли выборов в демократическом обществе, ядерном сдерживании, теории эволюции. В его анализе всегда проявляется то общее, что читатель должен научиться самостоятельно отыскивать уже в собственной жизни. Этот знак — отсылка к священному, нестираемый след религиозного опыта, неявно направляющие движение человеческого общества и придающие смысл потоку событий.

На одной из страниц «Знака священного» дан анализ политики левых в Бразилии в 2000-х годах. Казалось бы, давно утратившая актуальность тема, ведь даже в Бразилии политическая ситуация с тех пор изменилась. Но эта страница — далеко не публицистической очерк об экзотическом для российского читателя сюжете, а урок о методе. Через десять с лишним лет после выхода книги по США прокатилась волна протестов афроамериканского населения, сопровождавшаяся массовыми демонстрациями и сбрасыванием памятников с постаментов. Слова Дюпюи о Бразилии напрямую демонстрируют смысл этих событий: «...левые одновременно играют на двух досках, которые совместить едва ли возможно: с одной стороны, марксистский дискурс о капиталистической эксплуатации, с другой — жертвенный дискурс о расовом преследовании. Риторическая выгода очевидна: сегодняшние неимущие и отверженные — это жертвы давних, неискупимых преступлений, некогда совершенных рабовладельческим обществом. Вовсе не очевидно, что всё это способно ускорить наступление расовой демократии».

В «Знаке священного» проводится различие между фундаментальным механизмом жертвования — он, согласно теории антрополога и философа Рене Жиара, отсылает к неизбывному священному в основании

любого общества — и современной идеологией жертвенности. О последней писали многие комментаторы событий 11 сентября 2001 года. Американский исследователь Эрик Ганс, к примеру, предсказывал скорый конец этой идеологии, охватившей весь западный мир после Второй мировой войны. Однако история демонстрирует не ее окончание, а скорее апофеоз: мы видим на недавних примерах, как достаточно просто объявить себя жертвой, чтобы тем самым немедленно добиться определенной власти — к примеру, получить возможность свергнуть статуи с пьедестала. Доказательства не только не нужны, но и в принципе не могут быть предъявлены, потому что для подобного диалога в обществе не осталось даже площадки.

В «Знаке священного» назван механизм, ответственный за такую ситуацию. Его суть сводится к одной фразе: в глазах жертвы вина того, кто эту жертву принесит, бесконечна. Такой вине нет искупления. Дюпюи пишет: «В рамках „жертвенной“ справедливости униженный — словно бог мести, возвышающийся над собственными погрязшими во грехе созданиями, — морально превосходит унижающего. В качестве компенсации „гонитель“ должен возместить „жертве“ ущерб от ressentimenta, однако цена избавления от долга бесконечно высока». Ни Хабермас, ни Левинас, ни Ролз со своей опорой на рациональное мышление неспособны ограничить эту вину, установить для нее какой-то порог, предел, чтобы наметить тем самым выход из бесконечного падения в ад ressentimenta. Однако выход, согласно Дюпюи, существует — и здесь автор нашел бы, по всей вероятности, точку соприкосновения с дипломатом Лавровым. Состоит он в поддержании постоянного диалога, даже если диалог не приводит ни к каким результатам. Участие само по себе способно хотя бы частично восстановить моральное равенство между собеседниками, поэтому разговор лицом к лицу одним лишь фактом своего существования уводит от зла.

Здесь стоит заметить, что в социальных сетях, в которых теперь по большей части и ведется общественный диалог, не может быть никакой встречи лицом к лицу. Водоворот насилия в Фейсбуке или Твиттере не имеет предела: вина гонителя в сознании жертвы ничем в сетях не ограничена, поэтому всякая месть неизбежно ведет к бесконечному ресентименту и в итоге к моральной катастрофе. Интернет как место встречи пользователей, а не лиц, сводит на нет всякую возможность милости и прощения. От превращения лица в экран и человека в пользователя стирается человечность — но не жертвы, не слабого, а сильного, то есть гонителя: он становится воплощением не просто зла, а абсолютного зла. В социальной сети всякий злодей автоматически, без промежуточных степеней — сатана. И эта абсолютизация ресентимента и есть сама по себе высшее зло как метафизическое, так и социальное. Культура исключения, *cancel culture*, возникшая через десять лет после выхода «Знака священного», тоже, оказывается, им осенена.

Мы привыкли разделять новости текущих событий на рубрики: политика, экономика, культура. Книга Дюпюи — тоже собрание примеров из разных рубрик, сборник отдельных очерков. Будучи сложенными вместе, они открывают вид на то, из чего соткан мир. Но сами очерки — не просто газетные вырезки. Они суть результат пристального рассматривания мира — не в микроскоп, а скорее в калейдоскоп. От глаза, смотрящего в этот прибор, отходит единый зрительный — мыслительный — нерв. Именно единство анализа на фоне мелькающих в калейдоскопе событий и позволяет трактовать их в общем ключе. Сплетен этот нерв из нескольких редко сочетаемых волокон: французского структурализма, философии когнитивных наук, теории сложных систем и христианского мировоззрения.

Появление христианства в этом ряду на первый взгляд удивительно. Вот как сам автор объясняет его

в главе о роли рациональности в экономической теории. Открывается эта глава критикой механицистской теории справедливости Джона Ролза. Ролз намеренно исключает из рассмотрения столь важные для отцов-основателей экономической теории XVIII века людские страсти. Дююи с этим не соглашается, ведь справедливость нельзя построить на процедурных принципах чистой рациональности: «Принципиальное философское заблуждение авторов теорий справедливости — в первую очередь я, разумеется, имею в виду Ролза — в убежденности, будто существует решение проблемы справедливости и что оно разом снимет вопрос о разрушительных страстях. Заблуждение — более того, грубая ошибка — полагать, что общество справедливое и осознающее себя таковым пресекает ресентимент на корню. Нельзя не видеть, что именно в обществе, которое прилюдно заявляет о своей справедливости, униженные его члены неизбежно чувствуют ресентимент». Снова вспоминаются волнения афроамериканцев в США. Но можно пойти и дальше: по указанному Дююи пути даже в сферу экономики, то есть справедливого распределения благ, проникает моральное зло. Страсть лишает математическую модель ее чистоты и абстрактного совершенства. Дююи категоричен: «...выражение „чистая и совершенная конкуренция“ подразумевает, что для формирования эффективного, мирного общества людям, в сущности, не требуется встречаться между собой, обмениваться чем-либо, кроме товаров, и тем более любить друг друга». Когда люди превращаются в агентов сухой экономической теории, а теперь еще и в пользователей цифровых технологий, когда любовь заключается в Тиндер и Гриндер, а встреча лицом к лицу становится операцией купли-продажи, то возникает «в чистом виде кошмар». Такова, по выражению Дююи, «цена, которую платит общество, оставшееся без защиты священного». Решение, как он полагает, — если какое-то решение вообще

существует — заключается в любви друг к другу, к ближнему своему — основной заповеди христианства. Как эту любовь обнаружить в интернете, каким образом проявить ее в социальной сети — вопрос, о котором стоит задуматься читателю «Знака священного».

Как изображение в калейдоскопе кажется неисчерпаемо сложным, так и набор очерков, предлагаемых Дюпюи, можно было бы продолжать до бесконечности: здесь и отравление российского политика, и электроральные скандалы в США, и развитие искусственного интеллекта, и санкции против китайских предприятий цифрового сектора. Такую подборку сюжетов легко превратить в целую библиотеку политических и социальных наук. Но Дюпюи — не только комментатор текущих событий, его роль глубже. Многогранное описание мира в разных измерениях — от экономики до кинематографа, от Бразилии до России — призвано выявить то единое, что этот мир удерживает вместе, хотя оно в нем же самом и содержится. Вся композиция книги построена вокруг этой центральной фигуры. Здесь в теоретическом, но вместе с тем как нельзя более прикладном мотиве сочетаются два похожих и в то же время совершенно разных по значению слова: *сдерживать* и *содержать*. Ключевая фигура — вынос во вне чего-то изначально внутреннего, присущего человеческому обществу и потому, казалось бы, ему имманентного, однако превращаемого путем такого выноса во внешнюю силу, которая в конечном счете и задает, и удерживает единство этого общества.

Этот структурный мотив называется автотрансценденцией. Именно он позволяет повседневную жизнь общества связать с неизмеримо более широкой сферой священного. Пруст писал, что общество «подобно калейдоскопу, который время от времени встряхивают: расположение стеклышек кажется неизменным, но на самом деле от каждой встряски оно меняется и складывается в новый узор». Как бы часто калейдоскоп

ни трясли — а благодаря Инстаграму кажется, что это происходит все чаще и чаще, — инвариант всех этих постоянно меняющихся узоров и оказывается знаком священного. Дюпюи здесь дополняет Пруста. В последней главе, совершив трансценденцию над самим собой, он напишет о той, кто сложила воедино стеклышки его собственной жизни. Ее зовут, как и у Пруста, Мэделин, Мадлен.

Алексей Гринбаум